

ПОСТЭПИДЕМИЯ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ПЕРМЬ

ЗОЛОТАЯ БАБА

АНДРЕЙ МАРТЬЯНОВ

Андрей Мартьянов
Золотая баба
Серия «Постэпидемия»

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

События рассказа А. Мартьянова происходят спустя два десятилетия после пандемии 2020 года, и раскрывают читателю некие загадочные обстоятельства, сопровождавшие добровольную самоизоляцию группы молодых людей, решивших спрятаться от вируса в тайге на среднем Урале.

Андрей Мартьянов

Золотая баба

– Пожалуй, это была самая странная весна на моей памяти. Вы не поверите, но даже свет казался каким-то другим. Выйдешь на улицу, и солнце будто иначе светит. Видимо, чисто психологический эффект. Вы, конечно, не помните?

– Не помню, – послушно согласился я. – Весной двадцатого мне было пять с половиной лет. Единственное воспоминание – блины на даче у бабушки, куда нас отправили из города от греха подальше.

– Ребенок мыслит категориями удовольствий и запоминает в основном что-то приятное, хорошее, – кивнул Владимир Леонидович. – С возрастом это меняется. В тогдашние пятьдесят два года моя память отложила именно что общую *странность* ситуации. Я с самого начала предполагал, что мы переживаем исторический момент, мечту любого историка – помните ведь Тютчева с его «минутами роковыми»? Правда, никакого блаженства ни я, ни друзья и коллеги, решительно не испытывали. Было очевидно, что со стремительностью невероятной – всего за месяц! – меняются эпохи, а неизвестное будущее всегда тревожит... Буквально за одно мгновение почти по всему миру схлопнулись сразу несколько важнейших отраслей: гражданская авиация, сфера обслуживания, туризм, общественное питание. Закры-

лись государственные границы, тогда считавшиеся понятием абстрактным, ненужным пережитком XX века!

– Да уж, – вздохнул я. – Картина малоприятная.

– Представляете себе на табло в аэропорту сплошные красные строчки? «Рейс отменён, отменён, отменён»? Думаете, было приятно наблюдать такое своими глазами в прямом эфире? Мы-то в итоге отделались лёгким испугом и уже к осени восстановили объёмы перевозок, а каково пришлось южной Европе, к примеру? Особенно регионам, где доходы от туризма являлись едва не основной статьёй дохода?..

Доктор Немкин, с которым я вёл беседу о событиях двадцатилетней давности, являл собой абсолютно неистребимый и вечный тип «многоучёного старичка в беретике». Убеждён, такие старички существовали даже в эпоху неандертальцев, они рассказывали и ненавязчиво поучали при фараонах и цезарях, в Средние века, при многочисленных Людовиках, до исторического материализма, при его расцвете и после оного. Только фасоны беретиков менялись, причем я свято убежден, что старички носили их даже в палеолите.

Мы вдвоём неторопливо шли по длинющему, скудно освещённому коридору, вполне подошедшему бы в качестве декораций для съёмок техногенного ужастика. Под потолком проложены трубы и кабели, мерцают синеватыми огоньками кодовые замки на редких дверях, тихо гудит вентиляция.

Миниатюрные камеры наблюдения через каждые пятнадцать метров. В таком интерьере более чем органично смотрелась бы зубастая инопланетная кракозябра, желающая закусить представителем столичного журнала и музейным зрителем с научной степенью – то есть мною и Владимиром Леонидовичем.

Да-да, никакой ошибки: окрашенный казённой блекло-зелёной краской угрюмый коридор на глубине сотни с лишним метров вел в музей. Обитатели закрытых городов-«почтовых ящиков» ещё с полузабытых советских времён обожали увековечивать свою историю, собирая всевозможные артефакты – от трогательных фотографий и писем 50-х годов прошлого столетия, когда только начиналось строительство засекреченных спецобъектов, до образцов продукции, наподобие ядерных боеголовок или загадочных приборов, назначение которых простому смертному неведомо, и слава богу – меньше знаешь, крепче спишь.

Я наивно полагал, что музейчик «почтового ящика» Пермь-32 будет находиться при старинном доме культуры сталинского стиля, украшающем главную площадь затерянного в предуральской тайге чистенького городка. Однако, доктор Немкин уверенно повёл меня в подвал здания администрации и открыл библейских размеров стальную дверь со штурвальным замком. Уверен, этот притвор способен выдержать падение астероида размером с Эльбрус. Артефакт,

наглядный памятник Холодной войне. В шахтный лифт-подъёмник, доставивший нас в недра под Пермью-32, без затруднений поместится взрослый африканский слон – и ещё место останется.

– Вы, кстати, первый из журналистов, кто здесь оказался, – нейтрально-заинтересованным тоном сказал зритель. – Как вам удалось добыть разрешение?

– Я не журналист. У нас научно-популярное издание, курируемое Росэнергокосмосом, так что санкцию давали с самого верха: видимо, решили, что пора приоткрыть завесу над некоторыми... гм... обстоятельствами. В конце концов, именно здесь всё и началось.

– Не так чтобы конкретно здесь, – покачал головой Владимир Леонидович. – Это была довольно занятная история, мы вмешались лишь в финале. Слышали когда-нибудь о субкультуре «выживальщиков»?

– Впервые от вас.

– Реликт эпохи ядерного противостояния Советского Союза и США. В своё время довольно модное хобби, если этот термин вообще употребим по отношению к выживальщикам. Концепция была такова: к некоему глобальному катаклизму, будь то вооружённый конфликт между военными блоками или сверхдержавами, эпидемия, нашествие инопланетян и так далее, можно подготовиться. Возвести надёжное укрытие подальше от населённых мест. Создать запас продовольствия, средств связи, медикаментов и оружия. Освоить

необходимые навыки – оказание первой помощи или, допустим, охоту на дикого зверя. И, едва грянет, уйти в лес.

– Бред какой-то, – я пожал плечами. – Остаток жизни сидеть в тайге, постепенно дичая?

– Вот видно, что вы из непуганого поколения! – рассмеялся доктор. – А ещё лет тридцать-сорок назад про выживальщиков писали фантастические романы и снимали кино в жанре постапокалипсиса! Романтика! Кругом бродят толпы озверелых зомби, а вы в обнимку с помповым ружьем противостоите новому враждебному миру... Минуточку, сейчас открою главный зал.

Немкин ввёл код, загудели приводы, отпирающие очередную супердверь. Свет зажёгся автоматически, скорее всего, сработали детекторы движения.

В целом да, это музей. Портреты суровых старцев со звёздами героев труда, военные в старинной советской форме, групповые фотографии, витрины с чьими-то орденами и наградными листами. Помещение немаленькое, метров триста квадратных. По полу почему-то проложены тонкие рельсы – вероятно, раньше зал использовался в целях сугубо утилитарных, для сборки или хранения «изделий» Перми-32, о предназначении которых к ночи лучше не думать...

– Вот она, знакомьтесь, – Владимир Леонидович эпическим жестом Стеньки Разина, кидающего в набежавшую волну персиянскую царевну, указал на предмет моего интереса. – Правда, она не золотая, а в основном иридиевая, но

какая, в сущности, разница? Нас ведь интересует не форма, а содержание, верно?..

* * *

– Теперь представьте! Если не всю жизнь, то по крайней мере много подряд лет вы готовились к некоей гипотетической чрезвычайной ситуации. Как убежденный выживальщик, втайне ждали, что однажды прямиком вам на голову рухнет комета или атомная бомба. Что вы встретите во всеоружии стада мутантов или инопланетных чудищ! И тут вдруг мечты сбываются. Не буквально, конечно, поскольку врагом оказался крошечный вирус размером в сотню-две нанометров, а не клыкастая тварь откуда-нибудь с Сириуса. Однако, если нет гербовой бумаги, значит пишем на простой. Вирус тоже подойдет для подтверждения эсхатологических теорий, пускай и по методу бузины в огороде.

– Неужели всё было настолько плохо? – озадачился я.

– Да бросьте, – поморщившись, отмахнулся Немкин. – Кое-где в провинции эпидемию двадцатого года даже не заметили, она прошла информационным фоном, не более. Под удар попали в основном крупные города, с большой плотностью населения. В Нью-Йорке были очень серьезные проблемы – гипер-урбанизированный мегаполис, скученность. На нашей стороне, как всегда, оказались огромные пространства и расстояния. Попробуй занести заразу из Москвы ку-

да-нибудь в Дудинку, особенно в условиях быстро и своевременно введённого карантина и радикального сокращения транспортных перевозок! Кстати, вы знакомы с термином «мобилизационная медицина»?

– Поясните?

– Очень просто. Руководство СССР, практически в полном составе прошедшее через войну, больше всего опасалось повторения 22 июня 1941 года, но уже в условиях ядерного века. Глобальный конфликт в те времена подразумевал массовые и одномоментные санитарные потери, отчего в постоянной готовности находилось огромное количество коек, аппаратуры, медикаментов. Разумеется, через неполные тридцать лет после распада СССР мобилизационная медицина стала неактуальной, но наследство-то осталось! У нас попросту оказалось больше ресурсов, чем у соседей! Кроме того, за пару лет до возникновения вируса в России запустили программу обновления медицины и, как раз, к началу эпидемии массово начали открывать новые больницы. Повезло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.